

ПРОТОИЕРЕИ ВАЛЕРИИ АЛЕКСЕЕВ.

КАНОНИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАСКОЛА (СХИЗМЫ)
САМОЧИННОГО СБОРИЩА (ПАРАСИНАГОГИ), УНИИ, РАЗДОРА И КАНОНИЧЕСКОГО
РАЗРЫВА.

Господь Иисус Христос, основывая на земле Церковь, завещал Своим последователям: Да будут еси едино (Иоан. 17, 21), утверждая это единство на божественном принципе Лиц Пресвятой Троицы.

О таинстве единства Кафолической Церкви священномученик Киприан Карфагенский, в своё время, писал: «Таинство единства, этот союз неразрывного согласия обозначается в сказании евангельском о хитоне Господа Иисуса Христа. Хитон не был разделён и разодран, но достался целостно одному, кому выпал по жребию и поступил в обладание неиспорченным и неразделённым (Иоанн. 23,24). Он имел единство свыше, происходящее с неба от Отца, и потому не мог быть раздран теми, кто получил его в обладание; но целостно, раз навсегда, удержал крепкую и неразделимую связь свою. Поэтому не может обладать одеждою Христовою, кто раздирает Церковь Христову. Напротив, когда, по смерти Соломона, царство и народ его должны были разделиться, то пророк Ахия, встретившись с Иеровоамом царём, разодрал одежду свою на двенадцать частей... (III Цар. 11,31,32,36). И так, когда двенадцать колен Израильских должны были разделиться, то пророк Ахия раздирает свою одежду. Но как народ Христов разделиться не должен, то и хитон Христов, сотканный навсегда, не был разодран возобладавшими им: нераздельною крепостию своей связи он указывает на неразделимое согласие всех нас, которые облеклись во Христа. Таким образом, таинственным знамением своей одежды Господь предъизобразил единство Церкви».1 Церковь - общество не национальное, не гражданское, не политическое, а мистическое. Общество, где иерархия, которая «как условие её целостности и единства»,2 через совершаемые ею Таинства, приобщает верующих к спасительной жизни во Христе Иисусе.

Но Таинства действительными, спасительными и благодатными могут быть только тогда, когда законна и действительна иерархия Церкви.

Установление церковной иерархии имеет своё основание в Ветхом Завете. Только из дома Аарона выходили первосвященники и священники. Только им было дано право совершать богослужения. Любой израильтянин из другого колена, попытавшийся бы стать священником, стал бы не священником, а похитителем духовной власти священнодействия.

Ещё более высокое значение приобретает иерархия новозаветная. Ныне «существующая в церкви иерархия имеет своё основание в праве преемства пастырского, преподанного ей апостолами, имеющего в свою очередь свой корень во власти Иисуса Христа, пославшего апостолов, подобно тому, как сам Он был послан от Бога»,3 - пишет св. Климент, - т. е. новозаветная иерархия основана Первосвященником по чину Мелхиседекову, Господом Иисусом Христом (Евр. 4,14; 5,6) и имеет Божественное происхождение.

«К основным нормам церковного порядка относится и то, что главным условием

церковной организации служит богоустановленность церковной иерархии»,⁴ - пишет профессор Бердников.

Итак главное - это законность церковной иерархии. И здесь сразу возникает противоположность: если в деле спасения так важна законность иерархии, значит может иметь место и незаконность таковой. Значит, параллельно с Церковью может существовать не только легион сектантских обществ, но и псевдоцерковь, квазицерковь, или безблагодатное общество, которое отсечено или отпало от тела Церкви, а лжеиерархия таковой незаконно присваивает себе функции и прерогативы законной иерархии.

Это особенно остро чувствуется в современной истории, когда от Единой Христовой Церкви отпадают или отщепляются религиозные общества, называющие себя "церквами", с размножающейся незаконной лжеиерархией, когда даже внутри Православных Поместных Церквей возникают теории и доктрины, течения и движения корне противоречащие евангельскому учению о Церкви, о церковном управлении, о чистоте веры; когда под видом правоверия поселяется ересь; когда под видом иерархической власти внедряется авторитаризм, за которым следует угасание соборности.

А что такое церковная власть в Церкви Христовой, поскольку мы затронули эту тему? «И церковная власть и церковное властвование по своему характеру коренным образом отличается от власти и властвования существующих вне Церкви. Церковная власть есть иерархия, т.е. священная власть, преемственно существующая от Христа Спасителя и св. Апостолов, осуществляющая специальные, воспринимаемые в таинстве священства, церковные полномочия, специальные права и обязанности, всецело направленные к одной цели - служить вечному спасению людей. По своему характеру эта власть не господствование, соединённое с внутренне-принудительным воздействием, таким воздействием, которое сильно не внешне, а внутренне, поскольку оно свободно реципируется церковным обществом, как основанное на Богооткровенной истине и осуществляющееся при таинственной помощи Божией».⁵

Рецепция подчёркивает соборность Церкви, участие в её жизни всего голоса Церкви, «где в вопросах веры нет различия между учёным и невеждою, церковником и мирянином, мужчиною и женщиною, государем и подданным, рабовладельцем и рабом, где, когда это нужно, по устроению Божию отрок получает дар ведения, младенцу даётся слово премудрости, ересь учёного епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы все были едины в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа Божия. Таков догмат, лежащий в основе идеи собора».⁶

Напротив, церковный авторитаризм, или абсолютизм, которыми часто «болеет» высшая иерархия Церкви, ничего не имеет общего с церковной властью. «Принцип церковного абсолютизма, проникая в жизнь церкви, создаёт резкое разобщение полномочного класса правящих (епископат и высшее духовенство и безправного класса подчинённых (низшее духовенство и миряне). Право внешне-принудительного господствования, сообщаемое епископам и высшему духовенству принципом абсолютизма, внутренне разъединяет их с церковью. Внешнее господство в религиозной жизни психологически неприемлемо, так как религиозная жизнь есть жизнь духа, а жизнь духа находится вне сферы насилия и есть область свободы. Поэтому применение к церковной жизни идеи абсолютизма церковной власти может идти двумя путями: или путём нравственного обоснования требований абсолютной церковной власти, или путём внешнего подчинения

членов церкви этим требованиям. Первый путь есть путь самоуничтожения абсолютизма, предполагая свободное усвоение (рецепцию) требований церковной власти. Второй путь неизбежно приводит к ненормальному осложнению цели церковно-иерархического служения. Наряду с пастырской целью возрождения душ, абсолютная церковная власть имеет другую, более близкую для неё цель - личные эгоистические интересы».7

Св. Василий Великий в своём первом каноническом правиле говорит не только о еретиках, которые «совершенно отделились от Церкви и лишились самой веры»,8 но и о двух других обществах, отпадших от Церкви: о раскольниках (схизматиках) и самочинниках (парасинагогах).

«Расколы (схизмы) составляют те, которые иначе мыслят о некоторых церковных предметах и вопросах, (канонические и дисциплинарные, разрядка наша, прот. В.А.) кои, однако, легко могут быть примирены. Так говорит Василий великий в настоящем правиле».9

Зонара, толкуя это, и 33-е правило Лаодикийского Собора, пишет: «Раскольниками (схизматиками) называются те, которые относительно веры и догматов здраво мыслят, но по некоторым причинам отделяются и устрояют свои отдельные собрания», - а епископ Никодим Милаш, - дополняет: "Вообще на расколы церковь всегда смотрела как на одно из самых больших преступлений против церкви. Так, например, Опат Милевитский (IV) века считал раскол одним из величайших зол, большим чем человекоубийство и идолопоклонство. Сравнивая раскол с ересью, Златоуст говорит, что разрывать единство и полноту церкви не меньшее зло, чем создавать ересь. И поскольку раскол, в виду этого, достоин осуждения, постольку он ещё большего осуждения заслуживает по своим последствиям, ибо в конце концов всякий раскол превращается в ересь».10

В толковании на 6-е правило Второго Вселенского Собора, тот же епископ Никодим, основываясь на писаниях Отцов, пишет: «В творениях святых отцов и учителей церкви раскольники довольно часто обозначаются именем еретиков. В действительности мы находим много расколов, которые при возникновении своём ещё держатся православия, но потом мало-по-малу отступают от него и усваивают себе ту или иную ересь, от которой уже больше никогда не отделяются».11

Далее: самочинное сборище (парасинагога) «является когда какой-либо из непокорных епископов или пресвитеров, вместе с простым народом, собираются отдельно от церкви на молитвенные собрания, например, когда духовное лицо, запрещённое в священнослужении подлежащее духовной власти и не желающее подчиниться ей, соберёт вокруг себя ещё и других, отделится от католической церкви и начнёт самочинно священнодействовать. Это определение Василия вел. парасинагоги напоминает тех непокорных власти духовных лиц, кои, обходя своих законных епископов, самочинно хотят служить в церкви и против коих издано было много правил» (Ап. 31; IV всел. 18; тру л. 31 и т.д.).12

Заметим, что раскол (схизма) и самочинное сборище (парасинагога) по своей природе бывают сродни с ересью, что наблюдалось в прошлом и замечается в настоящем. В схизматическом обществосо стороны, извне, вторгаются неправославные учения, да и в самих больных схизмой, или нарушением канонического порядка обществах, в их богословии, возникают новые теории и доктрины, в корне противоречащие Евангельскому вероучению, святому Православию, святоотеческой традиции. И

наоборот: возникшее на высоком иерархическом уровне неправовереие или ересь, может стать основанием для раскола, ввергнуть в схизму. И несмотря на все утверждения раскольников, что они принадлежат к Церкви и, собственно есть Церковь, являются прикрытой неправдой, цель которой оправдать себя и ввести в заблуждение верующих. Богословы же, стоящие на позициях канонического права, видят подобное в иной плоскости. «Древняя Церковь...отделение от неё по причине мятежа или раскола... считала также отпадением от единства Церкви. Условием принадлежности к Церкви она считала единение с ней в жизни и смиренное ей повиновение. При этом отпадение от Церкви считаюсь отпадением от Христа, от Христианства. Мысль же о том, будто при видимом отделении от Церкви можно всё же принадлежать к ней невидимо и пользоваться всеми её благодатными дарами, такая мысль вполне чужда древней Церкви. И понятно, почему так. Потому, что противоположная мысль с необходимостью влекла бы проповедь полного безразличия в вопросах церковной жизни и церковной дисциплины. В самом деле, почему я должен избегать церковного мятежа, раскола и даже ереси, если отпадение от Церкви, прекращение жизненного с ней единения ничем особенным мне не грозит? Пусть я - послушник Церкви, пусть она меня извергает из среды своих членов, пусть предаёт меня анафеме, - беда не велика, потому что я остаюсь христианином, остаюсь со Христом и не лишён надежды на вечное спасение!».13

В этом размышлении показана позиция древней Церкви, тождественная с позицией и сущей Истинной Христовой Церкви: «Всякое отделение от Церкви, всякое прекращение единения с Церковью окажется несовместимым с принадлежностью к Церкви. Не важно, насколько велико догматическое разномыслие отделившегося; важен и имеет полное значение самый факт отделения, самоё прекращение единения с Церковью. Пусть будет отделение лишь на почве церковного мятежа или дисциплинарной непокорности без всякого догматического разномыслия, - отделение от Церкви будет иметь все печальные последствия для отделившегося. От Церкви отделяются не только еретики, но и раскольники. Сущность отделения остаётся одна и та же».14

Кроме схизмы парасинагогив случаях отпадения от Церкви, в её истории, со временем, появился ещё один прецедент, определяющий структуру общества, отпавшего от Церкви и получивший название унии. Каноническое право Православной Церкви не знает такого определения, ибо унивозникали уже после Вселенских и Поместных Соборов первого тысячелетия по Р. Х. Заметим, что «еретичествующие Церкви», или полностью отпавшие от Церкви еретические Исповедания, всегда стремятся присоединить и подчинить себе пребывающие в догматической и эккле-зиологической чистоте те или иные Поместные Церкви, или церковные области, навязать им своё догматическое учение, поставить их в каноническую, по отношению к себе зависимость через союзы, или унии, краеугольным камнем которых всегда является исповедный компромисс, который выдаётся за икономию, чего, как мы увидим ниже, быть не должно. Согласно догматическим принципам, «Соединение (разобщённых Церквей, или областей Церкви, прот. В.А.) возможно только на основании одной, единой догматики (...), ибо догматика - это основа, скелет, на котором держится всё Тело Церкви. Отнимите эту крепкую, цельную догматику, и Церковь перестанет быть Церковью. Наличие же двух различных догматических принципов в одной и той же Церкви, или же какой-то компромисс из двух противоположных догматических принципов безсмыслица, которая будет стоить Церкви разрушением ея».15

Расколили самочинное сорище может возникнуть снизу, когда от Церкви отпадают некий «безумные раскольники»¹⁶ и это отпадение перерастает в «рассечение тела Христова» - учреждение схизматического или самочинного общества (создания новой «церкви»), т.е. парасинагоги, в котором участвуют один или несколько «не ведающих своей меры»¹⁷ епископов, или «безпокоиных» пресвитеров и их «споспешников»,¹⁸ рукополагают тут же «своих епископов» и отпадают от единства с Поместной Церковью. Такие схизматики, на основании правил: 13, 14 и первой половины 15-го Двукратного Собора, аще пресвитер, или диакон, да «подвергаются извержению и лишаются всякия священнической чести»; монахи и миряне: «да отлучаются вовсе от церкви»; а епископ: «да будет низложен».¹⁹

Сложнее когда схизма или уния возникает сверху, когда её возглавляют высшие иерархи Церкви, увлекающие за собой большую часть духовенства и народа Божия, а малая часть Церкви, исповедуя истинное Православие, тем не менее из самих только себя, не правомочна созвать Собор Поместной Церкви и осудить схизматиков. Ещё более дело осложняется если схизма приобретает черты ереси, а сами ересиархи, обеляя себя, обвиняют в расколе исповедников.

В этом случае наступает такое состояние, которое получило название канонического разрыва. Надо отметить, что ни в правилах Апостольских, ни в правилах Вселенских и Поместных Соборов, ни в правилах Св. Огцов, такого термина как канонический разрыв не встречается, хотя разрыв, как между церквями, так и между иерархией, клиром и народом наблюдается уже в истории ранней Церкви.

Подобных прецедентов в истории Церкви было много, особенно, когда в какой-либо церкви возникало неправославное учение, прогрессирующее к ереси, или утверждалось засилье ереси, когда какая-либо церковь заболела духовно, и еретические плеве служили поводом к схизме. Истинно-православные христиане, а в первую очередь клирики, разрывают тогда свои отношения с еретическими, с заболевшими ересью, отделяются и ограждаются.²⁰

В этом случае вступает в действие вторая половина 15-го правила Двукратного Собора, которая провозглашает: «Ибо отделяющийся от общения с предстоятелем ради некия ереси, осужденный святыми соборами и отцами, когда, то есть, он проповедует ересь всенародно, и учит оной открыто в церкви, таковые аще и оградят себя от общения с глаголемым епископом, прежде соборного рассмотрения, не токмо не подлежат положенной правилами епитимий, но достойны чести, подобающей православным. Ибо они осудили не епископов, а лже епископов и лже учителей, и не расколом пресекли единство церкви, но потщились охранить церковь от расколов и разделений».²¹

Послушаем ещё комментарий Епископа Никодима Милаша на эту часть 15-го правила: «Но если кто-либо из епископов, митрополитов или патриархов начнёт проповедовать какое-либо еретическое учение, противное православию, тогда прочие священно-и церковно-служители вправе и даже обязаны отделиться от подлежащего епископа, митрополита или патриарха, причём за это не только не будут подвержены какому бы то ни было каноническому наказанию, наоборот, удостоены будут похвалы, ибо этим они не осудили и не возстали против настоящих, законных епископов, а против лже-епископов, лже-учителей, и не раскол образовали они этим в церкви, напротив, по мере сил освободили церковь от раскола, предупредили разделение».²²

«Св. Преподобный Иосиф Волоцкий основой своего канонического мировоззрения считал мысль, что иерархические преимущества действительны только при условии

верности Священному Преданию. Согласно этому поборнику Православия, принцип церковной дисциплины сохраняется лишь дотоле, пока иерархия соответствует своему высокому назначению. Относительно же священников и епископов, нарушивших эту верность, Св. Преподобный Иосиф повторяет слова Святителя Афанасия Великого, Патриарха Александрийского: "уне (лучше) есть без них собираться в храм молитвенный, нежели с ними воврещися, яко со Анною и Каиафою, в геенну огненную».23

«Церковному народу принадлежит право и даже обязанность проверять веру епископа, принадлежит право догматического неповиновения и протеста, - конечно, опять-таки из кафолической полноты... Отшельник в пустыни может оказаться кафоличнее «многолюдного собрания епископов». Может случиться, что кафолическое предание Церкви прозвучит в одном протесте, а эмпирическое множество соблазнится нововведёнными учениями».24

К этому комментарию можно только добавить, что клирики, знающие о еретичестве своего епископа, митрополита, патриарха и не отделяющиеся от общения с ним, согласно второй половине 15-го правила Двукратного Собора, по причинам различного характера, вольно или невольно, становятся "прикосновенными" и "совиновными"25 в проповеди их еретических высказываний.

Вообще же, «со времён св. Киприана разрыв общения с епископом, подозреваемым в ереси, всегда считался не только позволительным, но и обязательным».26 Таким образом, «Церковь «разделяется», «расторгается», «разрывается», «рассекается», возникает «средостение вражды», или «разрыв в единстве Церкви», как и говорит по этому поводу Святитель Григорий Богослов: «...честное Тело Христово начало разделяться и рассекаться, так что едва не расточишася кости наша при аде».27 Авторитетный православный богослов Болотов отмечает, что, к примеру, в III веке между Римской и Африканской Церквями, в результате спора о крещении еретиков «произошёл разрыв, но не схизма».28

Таких печальных разделений (но не схизми самочиний) в истории Православной Церкви было много. Евсевий Кесарийский в «Церковной истории» говорит о таких прецедентах: «... мы стали завидовать друг другу, осыпать друг друга оскорблениями и только что, при случае, не хвататься за оружие; предстоятели Церквей - ломать друг о друга словесные копья, миряне восставать на мирян... творили мы зло за злом, а наши мнимые пастыри, отбросив заповедь благочестия, со всем пылом и неистовством ввязывались в ссоры друг с другом, умножали только одно - зависть, взаимную вражду и ненависть, раздоры и угрозы, к власти стремились так же жадно, как и к тирании тираны».29 Следует ещё коснуться оценки тех случаев, когда в схизматических парасинагогальных обществах, в «квази-церквях», в «церквях лукавнующих», в свою очередь, происходят разделения, поставляются «епископы», утверждаются «автономные» и, даже, «автокефальные церкви». Обычно, но совсем не правильно, такие разделения называют расколами. Раскольники и учинённые ими расколы, отпадают только от Кафолической Церкви. В раскольнических же обществах, происходят только раздоры, а лица, их учиняющие, должны называться - раздорниками.

Следует отметить, что в схизматических самочинных обществах, несмотря на отпадение от Церкви, большое значение придаётся видимости законности иерархии.

Известно, что законность иерархии определяется: во-первых, - её богоустановленностью, а во-вторых, - апостольской преемственностью.

«Первенствующая Церковь, приняв истину непосредственно из рук апостолов, передала

её в том же виде произшедшим от нея церквам, а сии передали её в том же виде другим церквам, которые, в свою очередь должны передать тоже позднейшим, произшедшим от них церквам, и так далее. Путь непрерывного наследственного преемства, - вот что может и должно навсегда охранять истину апостольскую от всяких изменений и сохранять её целостъ и первоначальную чистоту».30

Святые апостолы, возложив руки на своих преемников, передали им власть управления, учительства и священнодействия в Церкви. Так от начала и до сего дня, и до последнего часа, будет простираться золотая нить новозаветного священства, однако, в некоторых иерархах и священниках она, иногда, обрывается, в силу преступлений, совершённых конкретным лицом против Божественного закона, установленного в Церкви, поэтому апостольская преемственность не всегда может служить гарантом истинности её носителей.

Уже в первые десятилетия исторического бытия от Церкви стали отпадать как отдельные личности, так и целые общества, и как мы видим, не только еретики, но и схизматики, и парасинагоги, которые вносили смуты и раздоры в церковный порядок и учение, но в которых сохранялась апостольская преемственность, т.е. в цепи рукоположений не прерывалось звено, соединяющее с апостольским началом. С другой стороны стало очевидным, что вожди, отделившихся от Церкви обществ, в которых не было иерархии с апостольской преемственностью, пытались любыми путями заполучить таковую, т.е. получить хиротонию своих "епископов" от иерархии, имеющей апостольское преемство. Нельзя сказать, что в подобных случаях присутствует неосведомленность в элементарном знании канонического права. Очевидней всего, в подобных деяниях присутствует дух авантюризма, имеющий своей целью убедить своих последователей в каноничности собственного религиозного общества.

«Так испытываются верные и открываются вероломные; так, ещё прежде дня судного, отлучаются души праведных от неправедных и отделяются плевелы от пшеницы!

Отделяются те, кои, без божественного распоряжения, самовольно принимают начальство над безрассудными скопищами, - без законного посвящения поставляют себе вождями, присваивают себе имя епископа тогда, как никто не даёт им епископства».31

Согласно «учению Св. Отцов, сущность апостольского преемства состоит в продолжении апостольского предания, так что все каким бы то ни было образом (впав в ересь или схизму) отделившиеся от Церкви лишаются благодатных даров преемственности священства».32

У отпадших от Церкви апостольская преемственность служит не необходимостью признания у них иерархической благодатной истины, а служит лишь условием при возможном присоединении к Церкви данного лица: принимать ли его в сущем сане, или даровать ему законное священство. Если, к примеру, от Церкви отпал некто (епископ, священник, диакон) и увлѣк за собой определённую массу людей, т.е. создал новое религиозное общество, но в своей деятельности не нарушил православного вероучения в его догматической части, не впал в ересь, и он, и его общество решили вернуться в Церковь, то представители иерархии могут быть приняты в Церковь в сущем сане по определѣнному чину. Если же апостольская преемственность в подобном случае на ком-либо пресеклась (вследствие неканонических хиротоний), то желающие присоединиться могут получить от Церкви уже правильное рукоположение, правильную хиротонию, которая спаяет разорванное звено апостольского преемства.

Церковь Христова не только едина, но и единственна. Всякое христианское общество,

отщеплённое от единой Церкви, не есть Церковь, а просто религиозная община (исповедание), построенная не на камени, который есть Христос, а на песке собственных измышлений - церковь лукавующих,³³ или церквотступница.³⁴ В связи с этим следует сказать несколько слов о так называемых, «канонических Церквах» и «неканонических церквах».

Существенным признаком каноничности иерархии является церковная или иерархическая дисциплина, которая, по словам Святителя Казанского и Свяяжского Кирилла, «является действительным отражением иерархической совести Соборной Церкви».³⁵ Итак, первое и главное нарушение церковной дисциплины - это измена Священному Преданию, а Правила Святых Вселенских Соборов являются частью Богооткровенного Предания Церкви. «Проверяйте своих епископов только в одном отношении: узнавайте, православны ли они, не учат ли догматам, противным истинной вере, и не сослужат ли они с еретиками и раскольниками»,³⁶ - писал Патриарх Геннадий Схоларий.

Определить степень преступления представителя церковной иерархии против Священного Предания и определить меру церковного наказания виновному, могут только Канонические Правила Святых Апостолов, Семи Вселенских, Десяти Поместных Соборов и некоторых Отцов Церкви (1) как его непреложный закон. «Никому да не будет позволено вышеозначенные правила изменять, или отменять, или кроме предложенных правил, приимати другие, с подложными предписаниями составленные некими людьми, дерзнувшими корчемствовати истиною»,³⁷ - постановил VI Вселенский Собор. И это во веки веков!

В действительности, в зависимости от текущего периода времени, то или иное правило, тот или иной канон может быть в действии, или храниться под спудом всей суммы правового кодекса Церкви, но ни в коем случае не отменяться, или игнорироваться, и если необходимость вызывает к действию данное правило, оно начинает работать в пользу Церкви, ибо Церковь Христова «навсегда одна и та же, а не та, которая подвергается изменениям в зависимости от текущего периода времени»,³⁸ и в Церкви Христовой не приемлем мирской латинский афоризм: "temporamutanturetnosmutanturinillis".

Святые Отцы Вселенских Соборов «...неупускали ничего, повидимому и самых малых частных, для благоустроения Церкви, для внутреннего её утверждения и ограждения от всех возможных и случайных колебаний, не для своего только времени, но и на последующие времена».³⁹

Такая безапелляционная позиция Церкви к своим каноническим правилам, их нерушимость и неотменяемость, утверждает Каноническое Право как бы некоей скалой, неким камнем единства Церкви, утверждённом на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором всё здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе (Евр. 2, 20-22).

Подобная позиция Церкви не устраивает расколовождеи камень единства и чистоты веры часто становится камнем преткновения, соблазна и отвержения. Это к расколовождямобращается св. Апостол и евангелист Матфей: Неужели вы никогда не читали в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла; кто упадёт на этот камень, разобьётся; а на кого он упадёт, того раздавит (Мф. 21, 42,44).

На этот канонический камень часто падают отвергающие его строители, т. е. вожди

раскольнических парасинагог. Иногда они отменяют негодные им Каноны Вселенских Соборов и заменяют их "своими канонами"; иногда придумывают теории "временности канонов", их деление на догматические и исторические; иногда их, просто игнорируют, как бы не замечают, оправдывая свою измену Священному Преданию новыми обстоятельствами бытия Церкви, опасностью «изоляционизма». Так, к примеру, известный современный канонист считает, что если каноны отмене не подлежат, то тем не менее «...это не значит, что нормы, установленные в них, абсолютно неизменны».40 Так возникает опасная еретическая теория "видоизменяемости канонических правил." Большую важность в защите канонов против попыток заменить их в решении важных вопросов церковного управления, суда и чистоты веры «научными доводами» и «каноническими соображениями» частных лиц, придавали выдающиеся иерархи и богословы Русской Церкви. Так, Святитель Филарет (Дроздов) писал: «Несомненно, что изменять некоторые законы гражданские зависит от власти государственной, а изменять церковные законы, основанные на Слове Божиим и на правилах святых соборов, от нынешней церковной власти не зависит; что поколебать церковные правила, относящиеся до иерархии, значило бы поколебать самую иерархию и произвести в духовном здании Церкви расселину».41

Современный выдающийся богослов о святых канонах пишет: «Святые каноны - это святые догматы веры, применяемые к деятельной жизни Христианина, они побуждают членов Церкви к воплощению в повседневной жизни святых догматов - солнцезрачных небесных истин, присутствующих в земном мире благодаря Богочеловеческому телу Церкви Христовой».42

Ревнителю Православия спрашивают отступников от Святого Предания Церкви: «Священные Каноны, внушённые Духом Святым богоносным Отцем, у которых мы, новейшие, недостойны развязать ремень обуви, имеют силу или не имеют силы в Православной Церкви? Да или нет? И если нет, тогда нужно с достоинством и смело объявить, какая инстанция, стоящая над Вселенскими и Поместными Соборами, приняла это новое решение? Ибо было бы верхом лицемерия для епископов, которые при хиротонии обещали неопустительно соблюдать Каноны, вместо этого, на практике, безстыдно попирают их, к великому изумлению остальных верующих».43

Расколоводители пытаются найти в церковных канонах обоснование своих антиканонических действий, умело применяя при этом различные софизмы и схоластические приёмы, показывая «мастерство диалектической каноники»,44 манипулируя «мишурной каноничностью»,45 и тогда церковные каноны превращаются «...из Святых Канонов, определяющих структуру Богочеловеческого организма Церкви и ограждающих этот организм от повреждения, в просто "каноны", т.е. сборник юридических правил, по подобию гражданского законодательства»,46 - считал Святитель Кирилл Казанский.

Вот, что в своей присяге перед хиротонией, говорит о канонических правилах клирик, готовящийся стать епископом. «Обещаю блюсти Каноны Сев. Апостол и седми Вселенских и благочестивых Поместных Соборов, иже на сохранение правых велений суть узаконены, и елико по разным временом и летом от истинно поборствующих по Святей Восточней Православной вере, Каноны и святыя Уставы суть изображены, и та вся хранити крепче и ненарушне до кончины моя жизни с сим моим обещанием свидетельствую; и вся яже они прияша, и аз приемлю; и ихже они отвратишася, и аз отвращаюся... Аще же обещанное зде мною что преступлю, или Божественным правилом

явлюся противен... Тогда абие да лишен буду всего сана своего и власти, без всякого извета и слова, и чужд да явлюся дара небесного, при посвящении возложением рук данного мне Духом Святым».47

Итак, «каноническая Церковь», «канонический иерарх» - это та Церковь, это тот иерарх, которая и который строго соблюдает Каноническое Право, не отступая от него, не нарушая ни один его канон; тогда эта Церковь, и этот иерарх - каноничны, т.е., - Церковь вполне православна, а её иерарх - законный (епископ, митрополит, патриарх) данной Церкви. Если же кто-либо из иерархии нарушает Каноническое Право, какой-либо его канон, он является церковным преступником; Церковь становится неканонической. Заметим, что Каноническое Право - это, не просто свод законов, это - наряду с мученическими актами, творениями древних Отцов и Учителей Церкви, священными временами, священными действиями, является частью Священного Предания - второго вероучительного источника после Священного Писания, - Божественного Откровения. Преступивший церковные каноны - это не просто нарушитель Канонического Права, это - отступник от Священного Предания! Такое «шатающееся» в Святом Православии религиозное общество, может утратить мистическую церковность и превратиться в «вероисповедание восточного обряда».

С какого же момента представитель иерархии или мирянин, или целое общество, совершившие преступление против Священного Предания, преступившие церковные каноны, а тем паче догматы веры, - здесь прежде всего имеется в виду отпадение в ересь или схизму, - признаётся церковным преступником со всеми вытекающими из этого следствиями? каково духовное состояние схизматического общества? законна ли в нём иерархия? Действительны и благодатны ли её действия? спасительны ли таинства? Или иерархия этих обществ есть лжеиерархия, похитившая право священства, а совершаемые ею богослужения всего лишь их профанация? Каковы в этих случаях церковные прещения?

Для членов клира, согласно правилам, существуют духовные наказания, в случае нарушения известных канонических предписаний. Наука церковного права разграничивает все виды церковных наказаний на исправительные или врачующие и воздающие (карательные) или, что то же - vindикативные. Нас, в данном случае, интересуют церковные наказания, касающиеся единства Церкви. И здесь, прежде всего, следует говорить о тех церковных наказаниях, как извержение из сана и прещении, которое называется «вечным великим отлучением, анафемою, анафематствованием».48 Духовное лицо, наказанное извержением, теряет прежде всего все права и преимущества, принадлежащие ему в силу троякого характера церковной власти, т.е. право священнодействия, учительства и пастырства (Антиох. 3; Вас. Вел. 27); далее, оно теряет все права чести, принадлежавшие ему, как священнослужителю; затем его имя вычёркивается из списка духовенства, в который оно было внесено при рукоположении (Ап. 8, 17, 18, 51, 53) и, наконец, причисляется к мирянам, с предоставлением ему церковных прав, которыми пользуются только миряне. Извержение из сана, которому подвергается духовное лицо, продолжается навсегда, и изверженный уже никогда больше не может быть принят ни в какую иерархическую степень (Трул. 21), хотя бы он раскаялся и обещал исполнять свои обязанности по правилам.

Извержение с отлучением - большое церковное наказание налагается обыкновенно на духовное лицо, которое: несмотря на извержение из сана, всё-таки дерзает священнодействовать (Ап. 30, 64; Трул. 1, 86; Антиох. 1.).1

В случаях, когда схизма или парасинагога начинаются снизу, священноначалие реагирует на это наложением прещений на возмутителей церковного мира - запрещениями в священнослужении, и если в ближайшее время раскаяние преступника не наблюдается - Церковный Суд осуждает виновного в смуте, что и определяет первая половина 15-го правила Двукратного Собора: «Что определено о пресвитерах и епископах и митрополитах, то самое, и наипаче, приличествует патриархам. Посему, аще который пресвитер, или епископ, или митрополит, дерзнёт отступить от общения с своим патриархом, и не будет возносить имя его, по определённому и установленному чину, в божественном тайнодействии, но прежде соборного оглашения и совершенного осуждения его учинит раскол: таковому святой собор определил быти совершенно чужду всякого священства, аще токмо обличен будет в сем беззаконии. Впрочем сие определено и утверждено о тех, кои, под предлогом некоторых обвинений, отступают от своих предстоятелей, и творят расколы, и расторгают единство церкви». 49

Но заметим. Первой инстанцией, если дело рассматривается на епархиальном уровне, является суд епископа (в отношении клириков и мирян). Далее следуют суды: синодальный и соборный; но главное - должны быть соблюдены правила делопроизводства судебного процесса. Подсудимый обязательно должен быть вызван в суд. Обвиняемый епископ вызывается до трёх раз (граматой, или посланными двумя епископами); если после третьего приглашения подсудный не явился, то в этом случае суд (собор епископов) имеет право вынести ему своё решение в виде контумационного приговора (за упорство). Только в этом случае, вследствие неявки, могут судить представителя клира заочно. Кроме того, в судебном процессе, обвиняемого епископа слушают (именно должны выслушать) не менее двенадцати епископов, пресвитера - шесть и его архиереев, а диакона - три (если такое количество иерархов есть в данной Церкви). Таким образом должно совершаться судопроизводство на основе канонического права Православной Церкви. В любом другом случае суд превратится в судилище, а синод или собор, осуществивший это судилище - станет «разбойничьим». Расколоводии ересари, принадлежащие к высшей церковной иерархии и начавшие схизму сверху, поскольку исповедники сами не могут созвать Собор, находятся до Церковного Суда (Архиерейский или Поместный Собор) под деклораторным (1) приговором, и как нарушившие архиерейскую присягу, приступают к Святой Евхаристии "в суд и во осуждение", как и говорится по этому поводу: «Таинства нечестивых вредят только тем, кто их недостойно совершает», 50 - пока высшая судебная инстанция Церкви, актом публичного права не констатирует свой доктринаторный (2) приговор.

В юриспруденции (в том числе и в церковном праве) существует понятие о публичном праве, а поскольку «по каноническому учению православной церкви о таинстве священства, насколько важна его духовная сторона - сообщение известному лицу божественной власти, посредством которой совершается эта благодать. Эта власть является публичным правом, и когда она передаётся кому-либо, то передача эта делается торжественным актом публичного права. Пока известное лицо имеет эту власть, оно может полноправно пользоваться ею и всё, совершённое им в силу этой власти, имеет значение, независимо от того, что само по себе оно может быть порочным и недостойным власти. Это последнее не лишает его власти, а только может служить поводом к тому, чтобы её у него отняли. Отнять же эту власть опять-таки можно только торжественным актом публичного права, в силу которого прекращается эта власть со всеми её юридическими преимуществами и особенно лишается действительности и всякого

значения каждый совершённый им акт. В силу этого, если епископ начнёт проповедовать ересь или организует раскольническое общество, он тем самым не лишается ещё права совершать рукоположения; но если бы такой епископ за это же или какое-либо другое тяжкое преступление был осуждён собором и окончательно извержен из своего сана, он потерял бы все иерархические права, потому что лишился бы благодати священства и права быть посредником этой благодати для других, т.е. таковой не может более никого рукополагать, потому что извержение, разумеется конечное извержение, есть тот канонический акт, в котором известное лицо теряет свою священную власть, принадлежащую ему до тех пор, и обращается в мирянина, каким он был до своего рукоположения».51

Но народу Божию, большинство из которого как древние ниневитяне не умеют отличить правой руки от левой (Ион. 4,11), до тех пор преподают правильное Крещение и правильную Евхаристию. Св. Афанасий Великий разделял большие схизмы и ересь обществана "предстоятелей нечестия" и "завлечённых нуждой", а по определению VII Вселенского Собора они разделяются на "первествующих в злочестии", "растленных в зловерии" и "обольщённых и увлечённых".52 Но надо твёрдо знать, что только после осуждения Церковным судом в таких обществах совершенно пресекается священная иерархия и упраздняются спасительные таинства. Такое общество перестаёт быть Церковью и становится квази- религиозным обществом.

Профессор Болотов пишет о взгляде на проблему спасительности таинств блаженного Августина, который считал, что благодать таинств преподаётся действительно в раскольнических обществах, но только эта благодать, при отделении от Церкви, не служит во спасение. Она не ничтожна, а лишь неправильна. «Схизматические общества, удерживавшие и по своём отделении от церкви свою церковную веру, - с точки зрения блаж. Августина, - походили на ручейки, отделившиеся от главного потока. Они содержат ту же самую веру, ту же самую воду, но всегда подвергаются опасности без пользы засохнуть, если не сольются с главным руслом и не войдут в единство основного течения... Кафолическая церковь представляет ту благодатную атмосферу, без которой спасение для отдельного лица невозможно. Таинства, полученные вне кафолической церкви, походят на огонь, который продолжает гореть, хотя снаружи покрывается пеплом. Этот огонь не даёт ни полного тепла ни света. Нужно чтобы тлеющие уголья возвратились в чистую атмосферу кафолической церкви, и тогда покрытый пеплом огонь загорится ярким и полным пламенем».53

Таким было частное богословское мнение блаж. Августина, хотя он вообще не претендует на безошибочность своих суждений: «Пусть же читатель, одинаково со мной уверенный, идёт со мною дальше, одинаково колеблющийся спрашивает вместе со мною, заметивший свою ошибку - возвращается ко мне; заметивший мою - отзывает меня».54 Есть и другое мнение. Св. Киприан Карфагенский, полемизируя с Римским епископом Стефаном по вопросу о благодати крещения в схизматических обществах, размышляет: «Раз мы признаём, что крещение схизматиков в первом моменте правильно, мы должны допустить, что там существует благодать. А раз там существует иерархическое преемство, то трудно сказать, чего же там не существует... Следовательно схизматики, совершающие крещение, если они совершают его правильно, должны мыслиться, как обладающие дарами Св. Духа... Следовательно, допустив, что крещение схизматиков правильно, мы должны допустить, что они обладают и правильным алтарём, а в таком случае обладают возможностью совершать правильную Евхаристию. Таким образом

получается тот вывод, что у схизматиков существует правильное иерархическое преемство, следовательно благодать хиротонии; они могут совершать не только крещение, но и конфирмацию, могут совершать и Евхаристию. Таким образом, существенно поколеблется то воззрение, что спасение возможно только в Церкви».55 Здесь мы видим два различных частных богословских мнения. «Взгляды св. Киприана и блаж.: Августина, повидимому несколько различны, но к выводу они оба приходят совершенно одному: "extraEcclesiamnullusalus"-вне Церкви нет спасения».56

В связи с разделением церковных обществ, возникают мнения, что в Церкви происходит «умаление благодатного действия»;57 «убывает благодать Духа Святаго», происходит «духовная деградация»,58 - что в общем соответствует теории блаж. Августина об "угасающем пламени", даже если видимо в Церкви сохраняется вероучение и богослужебный строй, что соответствует и теории св. Киприана Карфагенского, который писал, что «Дух Святой даётся не мерою (поп *demensura*), но на каждого верующего изливается весь (*totus*), что «духовная благодать, которая в крещении равно (*aequaliter*) приемлется верующими, потом поведением и действиями некими или умножается или уменьшается».59

Вполне известно, что в иерархию Православных Поместных Церквей, с одной стороны, проникают, или в них утверждаются, явно или тайно, священнослужители, не принадлежащие к Православию как, к примеру, римско-латиняне (3), греко-католики (4), еретичествовавшие (5), иерархи, явно или тайно принявшие масонство(6); с другой стороны, внутри Поместных Церквей, появляются и утверждаются, опять же, явно или тайно, священнослужители, поставленные на священство с каноническими нарушениями, - со вторым браком, рукоположенные при помощи симонии(7), обновленцы(8), содомиты(9)...

Могут ли носители ересей и пороков быть добрыми пастырями; не уменьшают ли они, согласно Киприану Карфагенскому, благодать Духа Святаго? Не страдает ли от лже-пастырей народ Божий, не разбредается ли он по схизматическим, псевдоцерковным и сектантским обществам?

Но как утверждает св. Киприан, благодать Святаго Духа может и умножаться, если в Церкви возрастают ревностные и благочестивые архипастыри и пастыри, монашествующие и миряне. И заметим. Церковь состоит не только из праведников, но и из грешников, но она свята и непорочна!

Итак, мы видим, что освящающая благодать может не только увеличиваться, но и уменьшаться, вследствие схизмы ересеучений, разсекающих тело Церкви, или проникающих в него. Господь, у одной Церкви сдвигает светильник с места его (Откр. 2, 5); с другой сражается мечом уст Своих (Откр. 2, 16); третью повергает в великую скорбь (Откр. 2, 22); иную Церковь призывает помазать глаза чтобы видеть (Откр. 3, 18), а Церкви, уподобившиеся Филадельфийской, - сохраняет в години искушений (Откр. 3, 10).

У римско-латинян, после отпадения от Вселенской Церкви, возникла теория лаитизации клириков, т. е. невозможности низведения их в разряд мирян при совершении ими церковных преступлений, в силу "неизгладимого характера священства"- "*characterspiritualisindelibilis*".

И хотя эта теория не имеет никакого отношения к православной экклезиологии, некоторые современные схизматики апеллируют к этой неправославной теории. «При изучении вопроса о церковных расколах и анафемах, - пишут они, - возникает вопрос:

совершается ли после анафематствования и возникновения церковного раскола сакраментальное отлучение от Церкви Христовой, как богочеловеческого организма, и действует ли у тех, кого отлучили, благодать Божия».60

Однако Каноническое Право ясно говорит о том, что так называемый "неизгладимый характер", по учению Православной Церкви, «означает только то, что это таинство (имеется в виду таинство священства, прот. В.А.) не может на одной и той же степени повторяться над одним и тем же лицом».61

Свт. Филарет (Дроздов) пишет, что выражение "неизгладимый характер" в отношении таинства священства не встречается ни в Священном Писании, ни в правилах апостольских и соборных, ни в писаниях древних Святых Отцов. «И как бы кто не рассуждал о сокровенном в душе таинственном характере священства, сие не должно иметь влияния на суждение о лишении и снятии священнослужительского сана».62

Ревнителю Православия, обличая еретичествующих иерархов и разрывая с ними общение, часто ссылаются на авторитетное, но, тем не менее частное богословское мнение блаженного Августина, по поводу пелагианской ереси(10): «Неужели нужно собирать Собор, чтобы обличить столь явную погибель? Как будто никакая ересь никогда не была осуждена без созвания Собора, тогда как, напротив, известны весьма немногие ереси, для обличения которых открывалась такая необходимость, а многие, и притом большее число, где являлись, в тех местах и подвергались справедливому обличению, и уже оттуда давалось это известие всем прочим церквам для предостережения».63 Поэтому необходимо коснуться этой проблемы, исходя из утверждений, основанных на Каноническом Праве и исторических прецедентах. По поводу пелагианской ереси как раз созывалось множество соборов, первый из них в 411 году, в 416 году в Карфагене и в 418 году там же, полностью осудивший ересь Пелагия(4). Наконец ересь была осуждена на III Вселенском Соборе.

В этой связи вполне убедительно мнение прот. Льва Лебедева, который пишет: «Когда возражают, говоря, что поскольку новые еретики или отступники уже своим учением подпали под анафемы древних соборов Церкви, почему и не нужно никакого нового на них суда, т.к. они уже отпали (через ересь) от Церкви и тем самым уже безблагодатны, то это верно лишь наполовину или вовсе неверно. Вполне верно это может быть только по отношению к тем, которые сами, сознательно отделили себя от Церкви, образовав свою "новую церковь". Но если иметь в виду случай когда впавшие в отступничество или еретичество вместе с тем заявляют, что они ни во что такое не впали, но продолжают быть православными и причисляют себя к Церкви, то мало, если кто-либо из православных обличит их в ереси, нужен соборный суд. Только он и имеет право отсесть упорно заблуждающихся от Тела Христова».64

Действительно, церковная совесть, скорбит и негодует, глядя на преступления, совершаемые некоторыми «православными» иерархами. Православные ли они, или уже совершенно спокойные раскольники и еретики! Но церковное сознание не должно основываться на эмоциях, а только на голосе Духа Святаго, который глаголет на Православных Соборах. Мы можем оценивать происходящее смиряясь и сдерживая себя, обращая наш взор на Вселенские Соборы: «И вся яже они прияша, и мы приемлем; и ихже они отвратишася, и мы отвращаемся...». «Лица, заблуждающиеся в правильном понимании веры, и тем согрешающие, но ещё не осуждённые церковным судом, являются заболевшими членами Церкви. Таинства, совершённые такими неосуждёнными членами, согласно Седьмому Вселенскому Собору, действительны. Например, «их рукоположения

суть от Бога»,⁶⁵ - замечает Председатель этого Собора, св. Тарасий.

Разрыв канонических отношений с еретичествующим епископом (митрополитом, патриархом) процесс болезненный, исповеднический. Клирики, вступившие на этот путь, должны быть твёрдо уверены, что они прочно стоят на основании святых канонов, а их епископ (митрополит, патриарх) проповедует ересь или подвержен ереси, иначе клирики сами согрешат против первой части 15-го правила Двукратного Собора. С другой стороны, в случае отклонения от Православия иерархии, с которой клирики разрывают евхаристическое общение, эти клирики могут быть подвержены суду. Истории известны "разбойничьи соборы" и «синоды», которые накладывали на исповедников несправедливые прещения, низлагали их, анафематствовали. В таких случаях отделившиеся, оградившиеся, непоминающие, противостоящие, должны поступить как и наставляет Слово Божие: примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, всё преодолев, устоять (Ефес. 6, 13), должны полагаться только на Бога, на Его поддержку и помощь до "соборного рассмотрения", т.е. до того православного собора, который оправдает невиновного и осудит преступника, или преступников, учинивших ересь или раскол.

«Толкование на 31-е правило Апостолов в греческой Кормчей, с. 19, гласит: «те, которые отделяются от епископа прежде соборного исследования за то, что он всенародно проповедует какое-либо злословие и ересь, таковые не только не подлежат вышеуказанной в 31-м Апостольском и 15-м Двукратного Собора правилам епитимий, но и достойны чести, подобающей православным», а «Толкование 29-го (98) правил Карфагенского Собора, Синтагма Матфея Властаря в русском переводе, под буквой «А», гл. 17, с. 56, гласит: «...без опасности может пренебречь епитимией».⁶⁶

Клирики-исповедники,рывающие общение со своим еретичествующим епископом (митрополитом, патриархом), не могут сами из себя составить церковное общество, тем более, если обвиняемый ими иерарх находится в Церкви и не осуждён домнаторным приговором Церковного Суда. Таким клирикам остаётся присоединиться к той Церкви, иерархия которой строго стоит на исповедании Священного Предания Христовой Церкви.